

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Красные партизаны Украины в 1941–1944 гг.: организация, структура, основные направления деятельности	16
Советские спецслужбы в оккупированной Украине, 1941–1944	40
Местные формирования немецкой армии и полиции в Рейхскомиссариате «Украина», 1941–1944.	58
Документы.	92
Принципы отбора документов и правила публикации	92
Раздел I. Боевые действия.	94
Раздел II. Агентурные мероприятия	185
Раздел III. Террор и репрессии	297
Раздел IV. Пропаганда и агитация	379
Раздел V. Дисциплинарные нарушения в формированиях	446
Раздел VI. Население: объект и участник противоборства.	511
Список использованных архивов	585
Перечень публикуемых материалов	586

ВВЕДЕНИЕ

На Украине главная сила, с которой мы встречаемся — это полиция.

Алексей Фёдоров, 13 ноября 1942 г.¹

Демократизация сделала доступной огромный массив документов периода оккупации о партизанской борьбе и нацистских контрмерах. При этом обобщающих документированных работ по данной теме и смежным вопросам не так уж и много.

Схожие проблемы применительно к Центральной и Восточной Украине изучались восточноевропейскими и западными² специали-

¹ «Стенограмма выступления тов. Фёдорова на заседании узкого ЦК КП(б)У по вопросу о работе подпольного обкома партии Черниговской области, 13.11–1942 года» (ЦДАГО. Ф. 1, оп. 19, спр. 1, арк. 26).

Здесь и далее в сносках ссылка на архивы или публикации приводится на языке оригинала, а название цитируемых документов — по-русски.

Оригинальные названия и сокращения:

Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО); Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО); Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ); Державний архів Київської області (ДАКО); Державний архів Житомирської області (ДАЖО); Державний архів Сумської області (ДАСО); Державний архів Чернігівської області (ДАЧО); Bundesarchiv, Berlin (BAВ); Bundesarchiv — Militärarchiv (BA-MA); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ); Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ); Архив устной истории проекта «Родня» (АУИПР).

² *Армстронг, Дж.* 1) Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944 / Пер. с англ. О.А. Федяева. — М., 2007; 2) Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943 / Пер. с англ. О.А. Федяева. — М., 2007; *Dallin, Alexander* Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. — Düsseldorf, 1958; *Hesse, Erich* Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfangeweisungen und Befehle. — Göttingen, 1969; Zur Geschichte der Ordnungspolizei 1936 — 1945 / Hans-Joachim Neufeldt; Jürgen Huck; Georg Tessin. — Koblenz, 1957; *Littlejohn, David* The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in German-Occupied Europe, 1940–45. — N.Y., 1972; *Tessin, Georg* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im

стами. Среди последних работ следует назвать, прежде всего, монографии Анатолия Кентия и Владимира Лозицкого³, Дитера Поля⁴ и Клауса-Йохена Арнольда⁵, Кареля Беркхофа⁶ и Владимира Косика⁷, Венди Лоуэр⁸ и Андрея Боляновского⁹, а также Кеннета Слепяна¹⁰, Мартина Дина¹¹, Амира Вайнера¹². Книги всех перечисленных учёных объединяют две особенности — монографии базируются на архивном материале и снабжены ссылками на источники.

От названных трудов предлагаемая работа отличается, прежде всего, постановкой вопроса, то есть выбором акцентов и направлений при сборе и упорядочении информации.

Украина исследуется не случайно. С одной стороны, численность населения УССР в 1941 году была больше, чем совокупная численность населения, проживавшего на всех остальных территориях Советского Союза, захваченных Третьим Рейхом в 1941/42 гг. С другой стороны, доступность документов в Украине ощутимо выше, чем в России или Белоруссии.

Zweiten Weltkrieg 1939–1945. — Osnabrück, 1975; *Nix, Phil & Jerome, George* The uniformed police forces of the Third reich 1933–1945. — Leandoer & Ekholm Nov, 2006.

³ *Кентій А., Лозицький В.* Війна без пощади і милосердя: Партизанський рух у тилу вермахта в Україні (1941–1944). — К., 2005.

⁴ *Pohl, Dieter* Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. — München, 2008.

⁵ *Arnold, Klaus Jochen* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». — Berlin, 2005.

⁶ *Berkhoff, Karel* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule.- Harvard University Press, 2004.

⁷ *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні / Пер. із фр. Р. Осадчука. — Париж—Нью-Йорк—Львів, 1993.

⁸ *Lower, Wendy* Nazi Empire Building and the Holocaust in Ukraine. — Chapel Hill, 2005.

⁹ *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). — Львів, 2003.

¹⁰ *Slepyan, Kenneth* Stalin's Guerrillas. Soviet Partisans in World War II. — University Press of Kansas, 2006.

¹¹ *Dean, Martin* Collaboration in the Holocaust : crimes of the local police in Belorussia and Ukraine, 1941 — 44 — Basingstoke, 2000.

¹² *Weiner, Amir* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. — Princeton, 2001.

Объектом изучения являются настоящие советские люди, на мировоззрение и поведение которых повлияла политика, проводимая коммунистическими властями в 1917–1941 гг., то есть граждане СССР, оказавшиеся включёнными в силовые структуры сталинского или гитлеровского государства. При этом из рассмотрения почти исключены следующие территории: Западная Украина, Закарпатье, Крым и Юго-Западные области УССР. Что касается Западной Украины, то, во-первых, масса современных работ посвящена истории этого региона в 1940-е гг., во-вторых, в Галиции и на Волыни сильным было влияние украинского и польского националистического подполья, менявшего на местном уровне общую картину противостояния двух тоталитарных сверхдержав. Закарпатье в 1939–1944 гг. входило в состав Венгрии, Юго-восток Украины в 1941–1944 гг. находился под румынской оккупацией, а Крым в годы войны не был в составе УССР, из-за чего оперировавшие там партизанские отряды не входили в оперативное подчинение УШПД. В любом случае, подавляющее большинство населения Украины проживает в центральных и восточных регионах страны. Кроме того, эти области УССР прошли сквозь схожие социально-экономические и социально-политические изменения в 1917–1941 гг., что и восточные области БССР, и западные регионы РСФСР, поэтому и в 1941–1944 гг. ситуация здесь во многом была схожей.

Основное внимание при проведении исследования было уделено четырём областям, где советская партизанская борьба протекала наиболее масштабно: Сумской, Черниговской, Киевской и Житомирской, а также граничащим с ними территориям других областей Украины, России и Белоруссии.

Предпринята попытка рассмотреть полицию и партизан в зеркальном отображении. К сожалению, полной симметрии достичь не удалось, что вызвано результатами архивного поиска.

Компаративистский подход применён целенаправленно. Если общее сравнение двух знаменитых режимов, а особенно их руководителей набило оскомину, то сопоставления деятельности их адептов и представителей на местном, региональном уровне до настоящего времени не проводилось. Война двух сверхдержав того времени часто изучается как будто без участия «рядового Ивана» и «рядового Ганса». Настоящим исследованием авторы планируют немного восполнить этот пробел. Важной спецификой является то, что в центре описания стоят два «рядовых Ивана», обстоятельствами и собственной волей разведённые по разные стороны не очерченного фронта.

Исследование названо «Родня» по двум причинам.

Во-первых, в полиции и партизанах служили люди одной национальности, нередко односельчане, сослуживцы, а зачастую и родственники.

Война была в прямом смысле слова братоубийственной. Об одном подобном случае вспоминал командир Украинского кавалерийского партизанского соединения Михаил Наумов. Он с теплотой отозвался о своём бывшем помощнике по хозяйственной части по фамилии Козеха: «Это был отъявленный партизан по натуре. Его родной брат был полицейским, кажется, в с. Бишков. Их хаты стояли рядом. Полицейский сжег хату брата-партизана и его семью, состоявшую из трех детей. Козеха напал на семью своего брата-полицая и уничтожил его хату и семью. Такая жестокая борьба происходила на Сумщине в [19]42 г. между партизанами и полицией»¹³. Другой похожий по драматизму факт донес до нас обобщающий обзор располагавшейся в Миргороде полевой комендатуры № 239. 15 января 1942 года в деревню Завинцы к своему отцу пришёл переночевать партизан, вооружённый автоматом и ручными гранатами. Отец спрятал сына в погребе и... донёс о нём местным полицейским, то есть соседям. Разъярённый поступком родителя, боец дорого отдал свою жизнь: в ходе пятичасового боя он убил одного полицая, пятерых тяжело ранил, и ещё двоих, в том числе своего отца, ранил легко¹⁴.

Во-вторых, за иллюзорным различием скрывалось внутреннее структурное сходство этих формирований.

Как полицейские формирования, так и партизаны появились не вследствие инициативы местного населения, а из-за конкретных приказаний руководства силовых структур Третьего Рейха и СССР. Полиция являлась не местной сельской самообороной, не народной милицией, а частью гигантского репрессивно-карательного аппарата гитлеровской Германии. И советские партизаны были не сельской самообороной, не повстанцами (инсургентами), и не участниками Сопrotивления¹⁵ (резистанса): ведь формирования были созданы до

¹³ Стенограмма беседы командира Украинского кавалерийского партизанского соединения М. Наумова с сотрудником комиссии по истории Отечественной войны на Украине АН УССР П. Новохацким о партизанской войне, 16 апреля 1946 г. (ЦДАГО. Ф. 166, оп. 3, спр. 70, арк. 251–252).

¹⁴ Обобщающая докладная записка «Борьба с бандами. Опыт», начальник полевой комендатуры № 239, 30 июня 1942 г. (ВА-МА, RH 22/173, Bl. 108).

¹⁵ Любопытно отметить, что в момент создания УШПД был составлен «Список сотрудников НКВД УССР, бывших тюремных работников, находящихся в партизанских отрядах», оперуполномоченный ОК НКВД УССР Бов-

появления оккупационных властей, когда сопротивляться было ещё некому. Эти отряды являлись своеобразным видом оставленного при отступлении малоквалифицированного спецназа, занимающегося диверсиями, террором, разведкой и пропагандой сообразно директивам Центра.

И те и другие действовали по приказу «сверху», были инструментом тоталитарных государств. А прямые и непосредственные интересы мирного местного населения интересовали бойцов двух режимов «постольку поскольку».

Характерно, что нацисты осознанно или неосознанно повторили практику советской стороны 1941–1942 гг.: бывших участников охранных формирований немецкая сторона, особенно с 1943 года, в массовом порядке использовала в качестве командос для ведения операций в тылу Красной армии. Благодаря тотальным полицейским мерам органы госбезопасности неплохо держали эту территорию, плюс с 1943 г. ситуация на фронтах была не на стороне Вермахта. В том числе поэтому эти группы не обросли «мышечной массой», как это случилось с советскими организаторами партизанской борьбы в 1942–1943 гг. В любом случае, вчерашние полицаи, превратившиеся в спецназ, уже в советском тылу с 1943 г. лицом к лицу столкнулись со вчерашними противниками. После расформирования партизанских отрядов бывшие «лесные солдаты» с конца 1943 г. в массовом порядке пополнили ряды НКВД и НКГБ, в том числе охранных формирований — истребительных батальонов, внутренних войск. Не выпуская из рук оружия, с 1941 по 1944 гг. бойцы и командиры сменяли, порой неоднократно, легальное и нелегальное положение, часто передевали форму, но при этом не меняли сути своей службы.

В обоих случаях в годы оккупации рядовые оказывались в строю в основном не из-за приверженности расовой теории или, соответственно, порывов к «сияющим вершинам», и не объятые желанием защиты родного очага, а движимые стремлением сохранить собственную жизнь или улучшить своё положение в конкретной ситуации. Причём элемент принуждения при формировании партизанских отрядов на протяжении всей войны был более значительным, чем в полицейских структурах. «Лесные солдаты» регулярно проводили массо-

нилюк, 14 июня 1942 г. (ЦДАГО, ф. 62, оп. 8, спр. 16, арк. 1–16). Перечень включает 464 фамилии, преимущественно тюремных охранников (жарг. — вертухай).

вые мобилизации, угрожая расстрелом. При этом, как и полицейские, партизаны получали зарплату — по советским меркам неплохую¹⁶.

Много похожего наблюдалось и в личном составе этих формирований.

Обычные крестьяне, часто бывшие военнопленные или окруженцы, были самым многочисленным социальным слоем в полицейских частях и партизанских отрядах. Помимо загнанных под ружьё насильно, по обе стороны противостояния оказалось немало добровольцев, объятых жадной мести вследствие террора той или другой системы: пострадавшие от репрессий 1917–1941 гг. и их родственники или же бывшие жители сёл, превращённых оккупантами в пепел.

Но костью в обоих случаях являлись бывшие «хозяева жизни» или «слуги власти», так называемый партсостав, в первую очередь коммунисты и комсомольцы, силовики различных ведомств, чиновники и даже номенклатурщики.

В случае с коллаборационистами это перевоплощение было вызвано вовсе не каким-то саркастическим изуверством нацистов: «Пусть и дальше над народом измываются сталинские кровопийцы!» Массовая перековка аппаратчиков и функционеров в заправилы и прихлебатели являлась следствием объективной логики управления. Для успешного администрирования огромной территории, командования полицейскими и военными подразделениями требовались кадры с соответствующей квалификацией, опытом, личными качествами (а иногда и с авторитетом среди мирных жителей). За год или два, тем более в условиях войны подготовить такую орду каких-никаких профессионалов невозможно. А назначение на госслужбу, пусть и на должности низового уровня потерпевших, травмированных психологически, нередко и физически, прошедших «университеты» ГУЛАГа, в большинстве случаев противоречило экономической, военной и политической целесообразности. Поэтому, уверенно отгесняя жертв большевизма, в полицию и иные коллаборационистские структуры потоком устремились ушлые и напористые конформисты¹⁷ — за зарплатой, льготами и властью.

В партизаны, особенно в 1941–1942 гг., бывшие начальники и их верные помощники, члены первичных коммунистических и комсомольских ячеек, шли не так охотно, но и там они оказывались в руководстве отрядов.

¹⁶ *Жирнов Е.* «За партизанами сохранена заработная плата» // Коммерсант власть. №47 (951), 28.11.2011. <http://www.kommersant.ru/doc/1816729>

¹⁷ Советский термин: шкурники.

Другой условно выделяемой социальной группой, в значительной мере пересекавшейся с партсоактивом, являлись военнопленные и окруженцы, охотно пополнявшие ряды бойцов по обе стороны невидимого фронта. В случае, когда бывшие красноармейцы становились «партизанами», речь шла о фронтовых частях, временно и вынужденно перешедших к тактике частей спецназначения (англ. — коммандос) — то есть борьбе в тылу противника. В случае же с коллаборационистами многим даже не приходилось привыкать к новому типу службы или предавать ведомство, то есть армию: становясь хиви (Hiwi), они меняли только форму. Иные шли и в полицию.

Соответствующими были лояльность и мотивированность бойцов и командиров.

В 1941–1942 гг., когда Вермахт одерживал победы, наблюдался повальный распад наспех созданных партизанских отрядов, в том числе из-за перехода их участников на сторону немцев и полиции. Наиболее впечатляющий пример привёл в итоговом оперативном отчёте командир Черниговско-Волынского партизанского соединения Алексей Фёдоров. На севере Рейхскомиссариата «Украина» Кляпинский партизанский отряд целиком, с тремя рациями, перешёл к немцам, которые «из этого отряда с их же [партизанским] вооружением сделали Кляпинский полицейский отряд, который использовали для борьбы с партизанами»¹⁸. На территории украинско-российского пограничья «из группы отрядов Сабурова в мае месяце [1942 г.] из Голубовки С[ередино]-Будского района перешли из [сформированной партизанами] самообороны в полицию 25 человек»¹⁹. По просьбе НКВД УССР только что созданный Украинский штаб партизанского движения, находившийся в тот момент в постоянных переездах, 22 ноября 1942 г. передал коллегам 48-страничный список 338-ми партизан-перебежчиков²⁰, включая бывших командиров отрядов.

¹⁸ «Отчётный доклад штаба соединения партизанских отрядов Дважды Героя Советского Союза — генерал-майоре Фёдорова А.Ф. и подпольных областных комитетов коммунистической партии большевиков Украины Черниговской и Волынской областей за время с сентября месяца 1941 г. по апрель месяца 1944 г.», А. Фёдоров и др., после апреля 1944 г. (ЦДАГО, ф. 64, оп. 1, спр. 1, арк. 60).

¹⁹ «Справка о фактах перехода партизан на сторону врага», сотрудник ЦШПД С. Магузов, 12 декабря 1942 г. (РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1087, л. 16 об.).

²⁰ Приложение к письму начальника 2-го отдела УШПД капитана ГБ Мартынова начальнику 2-го управления НКВД УССР капитану ГБ Бондаренко, № 001030, 22 ноября 1942 г.: «Список лиц, дезертировавших из партизанских

С момента наступления Красной армии под Сталинградом полиция и иные коллаборационисты стали целыми ротами и даже батальонами переходить на сторону советов.

Сходство отрядов или отдельных служащих проявлялось в таких деталях как посредственное, а часто просто плохое вооружение, а также внешний вид бойцов, в большинстве случаев оставлявший желать лучшего. Нередко для полицейских обмундирование было предметом мечтаний, партизаны же обычно одевались, что называется, как попало. После ожесточённых боёв с отрядом А. Фёдорова в районе Елинских лесов в марте 1942 г. немцы сделали вывод о печальных последствиях недоработок интендантов: «Задействованных с нашей стороны полицейских из-за нехватки униформы порой нельзя было отличить от партизан. Это приводило к неразберихе и мучительным недоразумениям»²¹.

Даже региональные особенности указывают на генетическое подобие этих формирований. Как известно, «малой родиной» советских украинских партизан стала Сумская и Черниговская области. Эти же территории, особенно Черниговщина, выставили на службу немцам рекордное по Украине число полицейских и шуцманов.

Пожалуй, ничто так не символизирует родство двух систем, как биография матёрого оборотня в погонах — Ивана Хитриченко, члена ВКП(б) с 1927 года. В 1928–1934 гг. он успел послужить в НКВД на командных и политических должностях, позже — на хозяйственной работе — в основном по «политической линии», а в 1936–1938 гг. являлся секретарём райкома. После чего, посоучаствовав в Великой Чистке, аппаратчик сам угодил под следствие, которое закончилось благополучно для него, что позволило через некоторое время вернуться в органы. Советско-германскую войну Хитриченко встретил в должности начальника кагановичевского районного управления НКВД г. Киева. Оказавшись в плену, Хитриченко был освобожден из лагеря по фальшивой фамилии «Зайченко» и вернулся на знакомую по партийной работе Житомирщину. Здесь зачем-то расконспирировал местное подполье, организовав из его кадров партизанский отряд под своим руководством, который был уничтожен оккупантами во время первого же

отрядов, сдавшихся в плен и подозреваемых в предательстве», (ЦДАГО, ф. 62, оп. 1, спр. 217, арк. 4, 6–24).

²¹ Докладная записка немецких органов о борьбе с партизанами на Черниговщине и смежных территориях, запись о событиях 24 марта 1942 г. (ВА-МА, RH 22/173, Вл. 66).

сбора. Сам Хитриченко при этом удивительным образом не пострадал, переехал в Киев, где сразу же возглавил подразделение охранной полиции. Находясь на службе у нацистов, он внедрил в киевское подполье, которое, после последовавшей серии провалов, обвинило его в работе на СД и приговорило к смерти. То ли из-за этого, то ли по другим соображениям, в конце 1942 года, когда чаша весов стала клониться на сторону Красной армии, Хитриченко бежал на территорию Киевской области и создал еще один партизанский отряд. С ним он втёрся в доверие к Ковпаку, благодаря чему подчинил себе на Киевщине несколько партизанских групп, и возглавил сформированное таким образом Киевское партизанское соединение им. Хрущёва. Показательно, что подчинённые Хитриченко, выполняя его приказы, отличались особой жестокостью по отношению к пленным полицейским и старостам, а в самом соединении был расстрелян ряд бывших коллаборационистов — возможно, таким образом, командир заметал следы. Получив звание майора, Хитриченко вскоре вновь оказался в заключении, и так отсидел 10 лет из-за «проделок» 1941–1942 гг. Но после смерти Сталина благодаря заступничеству знаменитых партизанских командиров прокуратура волевым решением объявила результаты расследования органов госбезопасности недействительными. Словно заговорённый партизан-полицай ещё при жизни вошёл в когорту официально почитаемых героев войны.

Кровавый след по обе стороны фронта оставил Семён Блюменштейн, с 1919 г. носивший фамилию Барановский. В 1920-е годы он служил на руководящих постах в Подольском ГУБ ЧК (г. Винница) и Могилёв-Подольском поветовом (районном) отделе ЧК. В автобиографии карьерист писал о своей «работе»: «По натуре жесток был и остаюсь к врагам народа. Собственноручно расстреливал сотни к[онтр]-р[евольюционеров]»²². В начале 1930-х он служил на должностях заместителя начальника Главного управления НКВД сначала Грузинской ССР, а потом Таджикской ССР. В 1941 г., скрыв национальность и карательный опыт, Барановский стал начальником Краснопольской районной полиции на Сумщине. В 1944 году, утаив подробности своей деятельности под оккупацией, бывший полицай возглавил тергруппу НКВД УССР «Заднепровцы», с которой в тылу Вермахта прошёл сквозь всю Западную Украину в Юго-Восточную Польшу. А потом выявилась замешанность Барановского в казнях заложни-

²² Гогун А., *Капась И.* Солдат пяти армий // Еврейская газета (www.evreyskaya.de). № 3 (103), март 2011. — С. 23.

ков в 1942–1943 гг., истязаниях подозреваемых, участие его подчинённых в убийствах партизан и их помощников из числа населения. Более того, 13 февраля 1945 года подследственный заявил: «Я сам лично расстрелял [жителя села Мезеновка] Годованника»²³, который был советским активистом. В августе 1945 года в отношении Блюменштейна-Барановского была применена высшая мера наказания.

Возвращаясь к описанию структур, следует всё же оговорить, что объём репрессивных акций, которые устраивали советские партизаны в годы оккупации, был значительно меньше размаха тех «операций», в которых участвовали полицейские в 1941–1944 гг. Речь идёт, прежде всего, о соучастии в Холокосте и геноциде цыган, выявлении и казнях нелояльных немцам мирных жителей, арестах и расстрелах заложников, сожжении «партизанских» сёл вместе с населением или без него. Упомянем здесь и содействие в ловле и депортации остарбайтеров.

Понятно, что далеко не все коллаборационисты «отметились» в указанных актах, поэтому грести всех под одну гребёнку было бы грубой методологической ошибкой. Точно так же нельзя говорить о замешанности поголовно всех партизан в коммунистическом терроре на территории оккупированной немцами Восточной Европы.

Полевые исследования также показали, что в целом отношение населения центральных и восточных областей Украины к бывшим партизанам более положительное, чем к бывшим полицаям, хотя и тех и других крестьяне считали вполне своими.

Поскольку речь в работе идёт о противостоянии местной полиции и партизан, людей одной национальности, или, по крайней мере, проживавших в одной стране, то может возникнуть вопрос, являлась ли эта борьба гражданской войной? При ответе следует исходить не из мнений участников минувшей войны, и не из их конкретных прямых мотиваций, а из общепринятого разделения войн на национальные и гражданские, а также из политической ситуации в Восточной Европе в 1930–40-е гг.

Гражданской войной считается борьба различных политических сил в рамках одного государства и общества за политическое, или, шире, социально-политическое и социально-экономическое устройство этой страны. То есть схватка за «корректировку» границ, изменение международного статуса той или иной территории, разделение уже существующего государства на несколько образований граждан-

²³ Там же. Материал написан по документам архива СБУ, дело Семёна Барановского: № 148223, ф. 64991, т.т. 1–11.